

Владимир Орлов выпустил книгу Евгения Хорвата «Раскатанный слепок лица» (М.: Культурный слой, 2005). Это первое академическое его издание. Будет ли оно замечено? Есть два фактора «против»: тираж 1000. Но это полбеда, можно допечатать. Серьёзное другое: Хорват способен нарушить конвенцию, исказить «кто есть кто» в нашей поэзии. Потому что стихи, которые он писал в 1983–84, были, на мой взгляд, Ангельского Чина. Нездешние, небывалые. А после он уже не писал стихов. Я близко знал Женю Хорвата в 1976–78 годах, в пору школы, в Кишинёве. Потом я уехал в Москву, он — в Петрозаводск. В январе 1981 он ночевал у меня в общежитии ВГИКа на улице Бориса Галушкина. Это были две его последние ночи на территории СССР перед отъездом в Германию. И ещё это была последняя наша встреча.

Я не собирался писать воспоминания о Хорвате, потому что он действует у меня в романе. Но, во-первых, роман пока не окончен¹.

Во-вторых, выход Жениной книги.

В третьих... «неясное чувство вины» (когда бы это чувство не было столь ясным).

Женя был восприимчив как душа и мозг в чистом виде. В 1976-м, помимо Пастернака, он декламировал

¹ Теперь уже окончен: «Волга», № 1, 2016 (прим. автора).

ещё и «Багровый и белый отброшен и скомкан» молодого Маяковского, и «Окно выходит в белые деревья» Евтушенко, и открыт был для всякого нового увлечения. Мертвящие чары Бродского ещё не коснулись его. Так он влюбился в книжку «День такой-то» Юрия Левитанского, которую я... украл с книжного лотка Филармонии в антракте симфонического концерта. А Женька выпросил её почитать в обмен на прижизненный, салфетно-крохкий сборничек Игоря Северянина из домашней библиотеки (тоже почитать). И когда я вновь хочу вызвать и расслышать 15-летний голос Хорвата, то вспоминаю: *«Семимиллионный город не станет меньше, если один человек из него уедет».*

В стихах, как и в дружбах, он был всезаборчив, пылок. С ним водились не только мальчишки-девочки с поэтическими наклонностями, но и «кенты» — опасные авторитеты подросткового мира. В 10-м классе с него «сняли» новенькую японскую куртку, дали в глаз.

Персональную, один на один, дружбу нашу инициировал, конечно, он. Кто-то в школьном коридоре познакомил нас, и — не сходя с места — он пригласил меня на день рождения. Он диктовал мне адрес, дрожа от увлечённости, заглядывая в глаза. Отчего-то ему до жути загорелось дружить со мной.

В прихожей Вероника Николаевна, мама, встретила меня фразой: *«Борис, не разувайтесь, у нас нет культа вымытых полов!».*

Я по сей день обдумываю эту фразу.

За столом говорили о... Шютце. Я происходил из музыкального дома, но Шютц... это забирало почти так же высоко, как культ, а точнее, отсутствие культа вымытых полов.

Мы вышли на балкон, и Женя стал читать стихи. Выспренно. Воспарённо.

В домашнем кругу он был манерный, хрупкий. Чтение меняло его. Оно вызывало бы неловкость, не будь за ним золотого запаса хорватовского магнетизма.

Детские Женькины стихи (он их сжѐг вскоре) были кукольные, совершенные. Как если бы могущественный король держал театр для единственного наследника: золото, серебро, старинное оружие... — всё только настоящее.

В редакцию «Молодёжь Молдавии» меня привѐл, разумеется, Женья. Еще он привѐл меня в молодежное литобъединение «Орбита». Еще — надумил участвовать в научно-творческих конференциях старшекласников, в секции поэзии. Благодаря Жене я попал в «актив». Как следствие, позвонили из Госкино. Позвали участвовать в конкурсе во ВГИК. Республика располагала «целевыми» местами и должна была разыграть их среди «актива». Женю позвали первым — как лидера. Он ухитрился неверно их понять. Ему показалось, что его зовут на «экономический». Тогда как звали на сценарный. Со смехом он сошѐл с дистанции. Я поступил.

Через год Женька исправил оплошность. Аккуратно «отобрался» на предварительном конкурсе. Получил вызов на экзамены. Приехал в Москву, остановился у меня. Мы как раз переехали в новое общежитие. Лифт ещё не пустили. Женька помогал носить диваны на 11 этаж.

Я уже сдал летнюю сессию за 1-й курс и мог бы уехать. В Москве меня держало Женькино поступление. Мне казалось, я ему полезен. Курс набирала Кира Парамонова. Она мне симпатизировала. Я с ней говорил о Женьке. Первые три экзамена были т.н. «творческие»: этюд, рецензия на просмотренный кинофильм, собеседование с Мастером. Женька не готовился. Он водил меня по гостям. Мы навещали его друзей «докишинѐвского» периода. Выпили много бутылок «Арбатского».

За этюд и рецензию он получил «четыре» и «четыре», что было хорошо. Единственный конкурент его от Молдавии получил «три» и «четыре». Парамонова поставила Жене «пять» на собеседование. Это означало, что она его берѐт.

На этой ноте я уехал. Женька оставался в моей общежитской комнате, на диване, который мы с ним затащили на 11-й этаж. От него требовалось не провалить четыре общеобразовательных экзамена. Первый — сочинение. В 10 классе мы разделили с ним 1-е место на городской олимпиаде по литературе. Поэтому волноваться было нечего. Лишь надо было соблюсти единственную предосторожность: не писать «свободную тему». Считалось, что свободную — режут априори.

В Кишинёве я пробыл день. Родители с друзьями отправились в Прибалтику на трёх машинах. Через Карпаты, Белоруссию. Из Тракая я позвонил Веронике Николаевне в Кишинёв (1-25-06) — узнать, как Женька сдаёт. Трубку поднял... Женька.

Он писал на свободную тему...

И тут я поведаю об одном из самых беспощадно-отвратительных отсветов моей положительной личности. Испытав нефальшивую горечь от Женькиного непоступления, я в то же время уколот был тайным удовольствием. Мне нравилось жить в ореоле студента ВГИКа. Особенно, когда приезжал в Кишинёв на каникулы. Мне нравилось быть одним-единственным в своём роде...

Но я люблю его, скучаю по нему.

Зимой десятого класса, помню, условились, что всю ночь будем читать друг другу стихи по телефону.

Загодя запрятав телефон под одеяло, я дождался, пока в доме уснут, и набрал 1-25-06. Женька уж наготове был. С часик мы бубнили стихи под одеялами. Потом уснули одновременно. Я полупросыпался ночью. Бормотал в трубку (на разборчивую речь меня уж не хватало).

И по сей день слышу ответное бормотание на том конце провода.

Эссе Бориса Клетинича «О Евгении Хорвате и его книге «Раскатанный слепок лица» опубликовано на сайте <https://sites.google.com/site/ilerml/kletinich1> (печатается в сокращении).